

Научная статья

УДК:316.42

DOI: 10.17748/2219-6048-2024-16-2-73-88

Маргарита Георгиевна Вандалковская
Институт российской истории РАН
г. Москва, Россия

ЛИЧНОСТЬ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ П.Б. СТРУВЕ

Аннотация: Статья раскрывает представление П.Б. Струве о роли и значении личности в историческом процессе и развитии культуры, о ее сознании и самосознании, о разных формах сознания – государственном, национальном, интеллигентском – как социальной категории. В публикации содержатся данные об истории и эволюции самостояния личности в мировой истории, об отношении личности к социализму и индивидуализму.

Ключевые слова: Струве, личность, культура, сознание, самосознание, интеллигенция, революция, нация, либерализм, социализм, индивидуализм, конституционализм

Для цитирования: Вандалковская М.Г. Личность в творческом наследии П.Б. Струве // Историческая и социально-образовательная мысль. 2024. Том 16. № 2. С 73-88

DOI: 10.17748/2219-6048-2024-16-2-73-88

Original article

Margarita G. Vandalkovskaya
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

PERSONALITY IN THE CREATIVE HERITAGE OF P.B. STRUVE

Abstract: The article reveals P.B. Struve's idea about the role and significance of personality in the historical process and cultural development, about its consciousness and self-consciousness, about different forms of consciousness - state, national, intellectual

- as a social category. The publication contains data on the history and evolution of the independence of personality in world history, on the attitude of personality to socialism and individualism.

Keywords: Struve, personality, culture, consciousness, self-consciousness, intellectuals, revolution, nation, liberalism, socialism, individualism, constitutionalism.

For citation: M.G. Vandalkovskaya M.G. Personality in the creative heritage of P.B. Struve. Historical and Social-Educational Idea. 2024. Vol. 16, No. 2. P. 73-88. (In Russ.).

DOI: 10.17748/2219-6048-2024-16-2-73-88

Введение

П.Б. Струве придавал огромное значение роли личности в историческом процессе, в развитии культуры. Культура для Струве имела универсальное значение и являлась стержнем его мирозерцания – отношения к свободе, политике, личности, государству, нации, обществу. Струве четко обозначил смысл защиты им культа или почитания русской культуры, «т.е. национальной образованности и гражданственности во всем ее историческом многообразии» [9, с. 510].

Мысль о значении для России культуры в ее широком значении – многообразии ее проявлений в экономике, государственном, общественном и национальном устройстве, идеологии, политике и других сферах жизни и практической деятельности – занимала исследовательское внимание П. Струве всю жизнь. В этой связи необходимо отметить несомненную научную ценность статьи А.А. Гапоненкова, который на основе многочисленных источников показал, как шел процесс создания и обогащения представлений Струве о культуре [1, с. 202-223]. Данная статья посвящена носителю культуры – личности.

Методы

В работе использовался метод историзма, обязывающий рассматривать то или иное событие или явление в обязательном соответствии с конкретно-историческими условиями, что избавляет результат от искажений и модернизации.

Применение сравнительно-исторического метода дает возможность путем сравнения со сходными сюжетами или явлениями понять сущность изучаемого предмета. Метод синтеза, со свойственным ему обращением к смежным наукам, например к литературе, психологии и др., значительно обогащает представление о личности, ее интеллектуальных и психологических особенностях, а также о развитии исторического процесса.

Результаты исследования

1. Мысль Струве о том, что сущностной основой личности является ее сознание, получила развитие в разной форме – государственного сознания, национального сознания и сознания интеллигенции как социальной категории.

2. Показана несостоятельность интеллигенции как ведущей силы в борьбе с самодержавием, ее неспособность выражать государственно-экономические потребности России и интересы народа и общества.

3. Отмечено универсальное значение утверждения Струве о недопустимости отождествлять государство с носителями власти и их политикой и «необходимости превозмогать» в интересах государства всякого рода эмпирическую и единоличную волю.

4. Раскрытие темы самостояния личности и учений о личности в разные эпохи и в разных странах свидетельствует о включении российского развития в мировой цивилизационный процесс.

5. Статьи Струве о государственных деятелях дают представление о содержании и характере государственного служения эпохи, а также о даре и мастерстве автора в создании жанра «личность».

Обсуждение

Замысел создать работу о культуре возник у Струве и его близкого друга-единомышленника С.Л. Франка как результат их постоянных общений на научные темы.

Впоследствии Франк вспоминал, что наряду с редакционной работой в журнале «Освобождение» в 1905 г. «мы задумали написать совместно книгу по “Философии культуры”, в которой должны были быть выражены основные общественно-философские идеи, к которым мы совместно пришли в то время ... Мы оба начали одновременно писать вступительную главу этой книги, каждый писал в отдельности, мы читали друг другу написанное и сводили его в одно целое; споров по содержанию у нас не было, хотя и не легко было согласовать два весьма разнородных стиля и писательских темперамента...» [21, с. 45].

Хотя замысел создать книгу не был реализован, но некоторые завершённые разделы предполагаемой книги были опубликованы в виде статей.

Авторами было четко сформулировано понятие культуры: «...*Культура есть совокупность абсолютных ценностей, созданных и создаваемых человеком и составляющих его духовно-общественное бытие*», а также обозначена основополагающая роль личности в создании культуры.

«Культура создается не вне людей, а в людях и ими... Мы не знаем и не можем допустить, – писали Струве и Франк, – иного творца и носителя абсолютных ценностей, кроме личности и ее духовной жизни» [14, с. 132-139].

Личность должна быть свободной, независимой и уважаемой, не признающей утилитарных целей. Между личностью и культурой они признавали трансцендентальную связь [14, с. 139].

Авторы-философы представили точное и емкое определение сущности человеческой личности – ее сознание. «Воплощение идеала в действительность... – утверждали они, – может совершиться лишь проходя через ту точку бытия, в которой мир идеала скрещивается с миром действительности и творение абсолютных ценностей совмещается с их реализацией в эмпирической жизни, эта точка есть личное сознание, духовная жизнь мыслящей и действующей личности». Все идеалы – всегда творения личности, источник и корни культуры «таятся в глубинах личного сознания», – подчеркивается в тексте [14].

Сознание личности всегда несет на себе следы ее происхождения, среды, воспитания, мировоззрения, влияния значимых событий.

Понятие «сознание» Струве применяет не только к отдельным человеческим личностям. В его творчестве как практического общественно-политического деятеля и политика содержатся суждения о государственном сознании, национальном сознании, о сознании различных социальных категорий.

К тезису «сознание» добавляется тезис «самосознание», что свидетельствует не только о глубоком понимании этого понятия, но и о нравственном отношении к нему.

Государство, по мнению Струве, имеет такое же религиозное значение, как и идея человечества, и в этом состоит его божественная значимость – сверхличное человеческое бытие. Человека с государством объединяет высшая религиозная связь; вне этой связи человек живет без прошлого и будущего. В любви к государству выражается бескорыстие, преданность предкам и забота о потомках.

Вместе с тем Струве не признавал идолопоклонства к государству, и считал необходимым бороться с враждебным государству духом, связанным с непониманием роли культуры, ее существенной основы – дисциплины труда, главного условия государственной мощи, что было предрешено «Великой Россией».

Одним из основных назначений государства, о которых Струве неоднократно повторял, признавая его актуальным, состояло в том, что нельзя отождествлять государство с носителями власти, также как с политикой общества и политикой власти. Эта мысль Струве имела большое политическое значение, так как изменилось догматическое и неукоснительно-позитивное отношение общества и народа к власти. Струве отмечал, что «из скорбного опыта последних лет» (писалось в 1908 г.) народ понял, что государство есть соборная личность и «стоит выше всякой личной воли». «Это огромное неоценимое и неистребимое приобретение, – писал Струве, – и оправдание пережитых нами “великих потрясений”» [16, с. 189; 18, с. 173].

Отмеченная Струве аналогия отношения русского общества к верховной власти и позиции Бисмарка, который также не признавал отождествления верховной власти и ее носителей, означала, что Россия постепенно приобщалась к контексту европейской истории.

Политика общества, по мнению Струве, должна противопоставить власти новое политическое и культурное сознание. «Идеал государственной мощи и идея дисциплины народного труда, – писал Струве, – вместе с идеей права и прав – должны образовать инвентарь этого нового политического и культурного сознания русского человека».

Обращаясь к теме «политика власти», Струве «с величайшей горестью» фиксировал факт открытой вражды между властью и наиболее культурными слоями общества и народом. *Это осложнялось разноплеменностью населения и в итоге ослабляло государство* [16, с. 189-190].

Но реализация нового политического и культурного сознания требует и нового политического и культурного сознания человека, формирования государственного сознания у всех слоев общества [16, с. 188-189, 198].

С государством Струве тесно связывал национальное сознание, которое обязано оценивать факты прошлого, сопоставлять их с настоящим и предусматривать будущее. В этом состоит главное назначение национального сознания [12, с. 361].

Нацию Струве рассматривает как «культурную индивидуальность», а государство – важным деятелем в ее образовании. Государство и национальная идея – это две силы, которые, для того чтобы перевернуть судьбы народов, должны действовать в полном согласии. Государство и нация должны органически срастись. Нация характеризуется им общностью людей одного происхождения, одной веры, одного языка и духовного единства, которое создается общностью культуры.

Суждение Струве о том, что «язык и его произведения – самое живое и гибкое, самое тонкое и величественное воплощение национальности», совпадало с мнением его любимого писателя Тургенева, который «это так хорошо понимал и величие *русского народа* чувствовавший в нашем языке». «Ценность и сила нации, – писал Струве, – есть ценность и сила ее культуры, измеряемая тем, что можно назвать культурным творчеством» [10, с. 206-207; 16, с. 198-200].

Струве подвергал резкой критике социальную категорию интеллигенции, которая принимала активное участие в революционных событиях 1905–1907 гг.

Идейными истоками интеллигенции Струве считал либо западный атеизм, либо народничество, что означало, по Струве, отрицание почвенного развития или непонимание процесса исторического развития России. Оба взгляда он признавал враждебными, но совпадающими в одном – «они не уважают в человеке силы».

Мышление интеллигенции, по словам Струве, находилось в стадии наивности и младенчества; в подобном виде находилось и положение народных масс,

которые не могли получить от интеллигенции уроков воспитания и самовоспитания. В народных массах интеллигенция нашла лишь «смутные инстинкты» и добавила к ним «огромный фанатизм ненависти, прямолинейность выводов и построений и ни грама религиозной идеи». Струве отмечал, что привитие политического радикализма к социальному радикализму народных масс происходило с «ошеломляющей быстротой». Тем самым опровергалось бытующее представление о том, что между интеллигенцией и народом лежит непреодолимая пропасть [6, с. 85-86, с. 142-145].

Вместе с тем Струве резко критически относился и к народническим статьям, осуждающим народ в общественной борьбе XIX века в бессилии, дряблости, мелкоте, его неспособности к реальной деятельности. Струве называл это «похмельем народнического максимализма» и «хамским поруганием народа» [6, с. 85-86; 7, с. 142-145].

Главное и отличительное свойство интеллигенции, как отмечал Струве, состояло в отсутствии в ней чувства долга и ответственности, поскольку она воспитывалась на идее безответственного равенства.

Консерватизм мышления интеллигенции проявлялся в том, что она «всецело» находилась под влиянием славянофильски-народнической идеологии, по которой Россия должна избежать путь капиталистического развития и достичь прогресса быстрее других стран. Но реальный ход исторического развития, отмечал Струве, вскрыл несостоятельность этого мессианства [18, с. 34-35].

Огромный порок интеллигенции Струве видел в том, что она не понимала сущности и значения экономического, буржуазного развития страны. В развитии промышленного капитализма интеллигенция признавала только хищничество, неравное распределение и не способна была понять, что экономический прогресс общества основан на торжестве более производительной хозяйственной системы над менее производительной, а носителем более производительной системы является всегда человеческая личность, отмеченная высокой степенью годности. Личная годность составляет совокупность ряда духовных свойств: выдержки, самообладания, добросовестности и расчетливости. Идея личной безответственности, свойственная интеллигенции, противоположна идее личной годности. «Если в идее свободы и своеобразия личности был заключен вечный идеалистический момент либерализма, – писал Струве, – то в идее личной годности перед нами вечный реалистический момент либерального мирозерцания» [18, с. 217-220; 7, с. 84-85; 1, с. 130-170].

Струве критиковал интеллигенцию также за ее неспособность сохранить «национальное лицо», тесно связанное с государством. Он обвинял русскую интеллигенцию в том, что в ней слабо развит «государственный смысл» и она прикрывает свое «национальное лицо» и «безнужно» и «бесплодно» «обесцвечивает» себя в российскую. Но «ни один русский, – считает Струве, – иначе, как слегка иронически, не скажет про себя, что он российский человек.

Интеллигенция же применила к себе это “ультраимперское обозначение”, что означает ее желание быть безразличной, бесцветной и бескровной в национальном отношении» [3, с. 280; 6, с. 146-147; 12, с. 360; 15, с. 88-90; 19, с. 150-151, 154; 20, с. 146-148].

Мировоззрение интеллигенции Струве признавал потерпевшим крушение.

В отсутствии в России конституции, т.е. прочного правового порядка и неспособности правительства проводить конституционно-консервативную политику, необходимо обществу задуматься над собой, т.е. обратиться к самосознанию. Это означает настоятельную необходимость переосмыслить происходящие события «во всем их национальном значении» [7, с. 83-84].

Интеллигенция должна изменить свое сознание, пересмотреть свое мировоззрение и особенно его главный устой – отрицание личной ответственности, а также сосредоточиться на совершенствовании человеческой личности [6, с. 146-147].

Струве предполагал, что в процессе экономического развития интеллигенция обуржуазится и приспособится к существующему социальному укладу. Но многое зависит от экономического развития и государственного преобразования в конституционном духе.

Следует отметить также, что проблема самосознания, т.е. пересмотра условий и возможностей, при которых происходили революции в России 1905–1907 гг. и особенно 1917 г., всегда интересовали Струве. Будучи в эмиграции, Струве постоянно обращался к теме революции и писал, что для русских современников необходима полная и ясная правда о «совершившемся и жизненно целесообразное творческое ее осмысление». «Это важная и очистительная работа самопознания» [12, с. 360; 3, с. 280].

Но, разумеется, это толкование самопознания имело свою логику – возрождение России мыслилось во многом в традиционном духе дореволюционного времени.

Личность в истории

Особенностью исследовательского мастерства Струве являлось его стремление понять полноту, генезис и тенденции развития изучаемого явления или события. Это было подлинным научным служением теме. Именно поэтому Струве обратился к истории и эволюции самоопределения личности в масштабе мировой истории.

Идея личности, считал Струве, не была чужда древности, и он солидаризировался с мнением известного французского писателя, политического деятеля и одного из основателей доктрины либерализма Бенжамена Констана, что «в древнем мире каждый гражданин чувствовал себя живым источником демократии и непосредственно на площади общины-города наслаждался упражнением своего народовластия» [12, с. 360; 3, с. 280; 19, с. 151].

Струве идею личности признавал христианского происхождения, а в XVI в. выступающей в европейской культуре с требованиями для личности свободы совести – свободного религиозного самоопределения человека

При изучении фактов и идей английской революции XVII в., по собственному признанию Струве, его «поражало», что «как бы одним ударом в законченной форме рождается идея свободы личности, либерализм, и идея самоуправления общества, идея демократии». В «сорождении двух великих политических начал», отмечал Струве, заключается особенность и величие той эпохи религиозного и политического энтузиазма [19, с. 152-153].

Характерно при этом, что в прениях по вопросам английской конституции Струве признавал генетическую связь с последующими спорами на эту тему: умеренные опасались, что всеобщее избирательное право будет способствовать уничтожению собственности, анархии и передаче власти неимущим, а радикалы возражали против этих предупреждений и не верили в приход анархии [19, с. 153].

В средние века, по мысли Струве, борьба церковных и светских сил способствовала искажению идеи самоуправления общества и, соединяясь с идеей абсолютной власти государя светского либо духовного, образовывала идею «народного самодержавия». Эта идея, отмечал Струве, получила свое теоретическое завершение и классическую формулировку в «Общественном договоре» Руссо, самой влиятельной книге после Евангелия, по оценке Струве. Однако в идее народного самодержавия, проявившей торжество французской революции XVIII в., Струве усматривал несоблюдение прав личности и абсолютизм, который он не признавал ни в какой форме [19, с.154-155].

Раскрытие роли личности в историческом процессе XIX в. Струве признавал в учении социализма. При этом он отмечал, что ранний социализм имел сложное происхождение, разные влияния, в том числе враждебное отношение к личности, а в практике – признание ее служебной роли в государстве. Вместе с тем Струве подчеркивал, что было бы «грубой ошибкой» считать этот социализм антииндивидуалистическим и противоречащим либерализму [19, с. 151].

В согласии с бытующей точкой зрения Струве признавал два социализма. В одном социализме «идейной сущностью является подчинение личности целому», личность – средство, общество – цель. В другой концепции социализма целью является личность, общество – средство или орудие осуществления личности.

Первый тип социализма, по Струве, принципиальный, философский. Его носители – Платон, Фихте, Адам Мюллер, Робертус, Пьер Леру.

В учениях этих философов – «социалистов-коллективистов» нация, церковь, гражданская община – главные начала, личность же «приносит им себя в жертву». Струве подчеркивает также, что «огромное большинство социалистов-коллективистов не задумывалось над философскими основами своих практических целей ... или ... не додумывалось до их основначал» [19, 156-157].

Далее «в результате смотра разных социалистических доктрин» Струве пришел к убеждению, что в основе большинства этих доктрин лежит не философский социализм, а индивидуалистическая идея верховной ценности личности и служебного значения социального организма.

Струве отмечал также, что индивидуалистическая идея многими «социалистами» воспринималась «в грубой и пошлой форме». Это объяснялось множеством причин: отсутствием «философской ясности» в позиции «социалистов», неспособностью видеть различия между идолами капитализма и идеалами индивидуализма, пропитанностью индивидуализма материализмом и гедонизмом, вторжением социальной политики в сферу философии, невниманием к идеалистической сущности личности, кризисом индивидуализма. Струве обращал внимание и на недостаточную разработку самого понятия «индивидуализм», которому была присуща «эклектическая каша».

Все это, по словам Струве, обесценивало идею свободы, права и искажало представление о роли личности [19, с. 151].

Сам Струве выступал сторонником защиты индивидуализма, который в центре всего ставит личность, ее потребности, интересы, ее идеал, ее содержание, и предупреждал, что как религия индивидуализм – «самая малодоступная, самая аристократическая, самая исключительная религия». [10, с. 209]. «Трудно человеку глубоко религиозному, – поясняет он, – поклоняться просто человеческой личности или человечеству» [10, с. 209].

В этом Струве, вероятно, угадывал возможные пороки человека: нетерпимость, зависть и т.д.

Но для того, чтобы личность провозгласить «мерилом всего или высшей ценностью», необходимо, считает Струве, поставить ей высочайшую задачу. Она должна «вобрать» в себя возможно больше ценного содержания, мудрости и красоты. И не только вобрать: личность не складочное место. «Личность как религиозная идея» означает для Струве воплощение не только ценного содержания, но и «своеобразия или единственности энергии или напряженности».

Такой индивидуализм преодолевает мистицизм государственности и национальности и не приближает его к эмпирическим условиям, к пользе и выгоде отдельного человека. Струве подытоживает эту мысль: «Высшая форма отношения к миру есть сочетание в одном художественно-религиозном, всегда личном и единственном и всегда объективном и обязательном содержании величайшей способности переживать, воспроизводить в себе мир с полной свободой отношения ко всему в этом мире». И Струве, как обычно, обращается к Тургеневу, который ко всему в мире относится свободно, «к самому себе, к своим предвзятым идеям и системам, даже к своему народу, к своей истории» [10, с. 209-210]. «Религиоз-

ный индивидуализм есть художественное отношение к миру, в котором величайший субъективизм единственных чувствований соединяется с полнейшим объективизмом общеобязательного восприятия» [10, с. 210], – заключает Струве. В своей потребности к объективности он становится над государственностью и национальностью, но «способен видеть их правду и не может их отрицать» [11, с. 187-189].

Струве о государственном служении

Отношение Струве к личности и ее государственному служению ярко раскрывается в созданных им образах или портретных характеристиках разных социальных категорий – государственных и общественно-политических деятелей, публицистов, писателей, ученых и деятелей культуры. Струве не оставлял без внимания и иностранных государственных правителей. При этом важно помнить, что широкий, масштабный подход Струве к анализу конкретно-исторических проблем был характерной особенностью его исследовательского метода.

В желании понять сущность и проявления рассматриваемой личности Струве стремился глубоко проникнуть в ее мировоззренческие, психологические, интеллектуальные особенности, раскрыть уровень и пределы ее возможностей и понять атмосферу времени.

Приводимые далее суждения Струве о государственных деятелях России П.А. Столыпине, А.И. Гучкове, П.А. Гейдене (разные по объему и содержанию) ярко характеризуют талант мыслителя и историка Струве в создании представлений о выдающейся личности и ее индивидуальных особенностях как государственного деятеля.

Струве с особым вниманием и почтением относился к П.А. Столыпину, который являлся для него «одним из немногих образов новой России и вошедшим в историю как крупная историческая фигура».

Столыпин, по словам Струве, «понял свое время и, смело прозирая в будущее творчески, созидал это будущее» [11, с. 187-188].

Это относилось к государственному устройству и к созданию его экономического базиса. Струве считал, что Столыпин относился к Манифесту 17 октября (обещавшему гражданские свободы и законодательную государственную Думу) не как к пустому обещанию, а верил в «смысл и правду» правового преобразования России как в «великий замысел ее возрождения». При этом Столыпин понимал, что новому государству необходим широкий социальный фундамент, который он видел в «крепком крестьянстве», опирающемся на частную собственность и хозяйственную свободу [11, с. 187-189].

Струве подчеркивал заслугу Столыпина в осознании им связи политического конституционализма и земельной реформы, долженствующей в дальнейшем послужить раскрепощению крестьянства [11, с. 187-188].

Для Струве было очевидным, что Столыпин понимал невозможность сохранения верховной власти без каких-либо ее ограничений. Но по своему воспитанию и натуре он не был конституционалистом. Монархию Столыпин любил всем своим существом. Его конституционализм имел рассудочный характер, конституцию он воспринимал как необходимость и стремился свести ее к совместимой с самодержавием форме [17, с. 170-172].

К тому же Струве был помещиком и чиновником со всеми присущими им особенностями. «Этими обозначениями, – писал Струве, – для меня характеризуется прежде всего могущественная подсознательная основа деятельности Столыпина» [17, с. 171].

Струве не соглашается с мнением тех, кто считал его аграрную программу помещичьей. «Столыпин, – пишет он, – именно своей аграрной программой является могильщиком старопомещичьей России, сам того вовсе не желая, – во всяком случае, он всех огромных социальных и политических последствий своего дела не учитывает ... его аграрная политика со всеми ее следствиями стоит в кричащем противоречии с его остальной политикой». Она изменяет экономический фундамент страны, тогда как политика в других областях стремится сохранить «в возможно большей неприкосновенности» политическую надстройку, слегка украшая ее фасад.

Аграрная политика Столыпина, – считает Струве, – кажется консервативной, но в существе своем она «есть попытка перестроить Россию в самых ее глубинах» [17, с. 170 -172].

И заключает это суждение Струве следующими словами: «Думать, что подобная социально-экономическая политика может объективно служить основой для поддержания убудочной политической формы конституционного самодержавия, значит не понимать условий исторического развития народов» [17, с. 171].

Особое внимание Струве уделил Столыпину как чиновнику. В России, замечал Струве, слово чиновник имеет бранный смысл, хотя чиновничество являлось значимой культурной средой. Но чиновник – всегда «субалтерн» (подчиненное исполнительское лицо. – *В.М.*).

В деятельности Столыпина Струве усматривает «органическое противоречие»: Столыпин – государственный деятель, своими чувствами и традициями не связанный с конституцией, но «масштаб его личности» обязывает его создание конституционной среды, в которой только он и мог развиваться. Струве завершает эту мысль утверждением, что за конституционную форму Столыпин держится не только по государственно-рассудочным соображениям, он дорожит ею эстетически как необходимой для своей личности. Тем самым, как чиновник-субалтерн, он «подгибает и уже подогнул государственного деятеля под ярмо выродившегося абсолютизма» [17, с. 172].

П. Струве считал, что по типу политического деятеля Столыпин более других напоминал Бисмарка, который так же, как Столыпин, был помещиком и

аграрием и рассудочным путем пришел к конституции. Но в Бисмарке, отмечал Струве, не было «ни грана чиновника», и он никогда не принимал задания из чужих рук. Как «служака» Бисмарк представлялся Струве военным, поскольку ему, как русским военным государственным деятелям Д.А. Милютину, М.К. Лорис-Меликову и Н.И. Святополк-Мирскому, было присуще понимание ответственного осуществления государственности [17, с. 172-173].

Изучение политической биографии Бисмарка, для которого воля и интересы государства были выше верховной власти, о чем уже шла речь, являлось для Струве свидетельством истинного государственного человека и совпадало с его собственным мнением. В подтверждение этой мысли Струве признавал поучительным приводимый им эпизод из политической жизни Бисмарка. Одержав победу в австро-прусской войне 1866 г., Бисмарк в роли министра иностранных дел Пруссии, в противоречии с общим мнением, в том числе и императора Вильгельма, отказался от территориальных приобретений и продолжения войны с Австрией, а в случае несогласия с этим намеревался объявить о своей отставке. Власть после переговоров согласилась с требованием Бисмарка [17, с. 171; 2, с. XV–XVII].

Подобные попытки проведения своей политической воли были для Бисмарка не единичны. Струве видел в этом дальновидность Бисмарка, умевшего оценивать международную обстановку и предвидеть возможность нежелательных последствий.

«...И доктрина, и поведение князя Бисмарка, – утверждал Струве, – отличались той абсолютной ясностью и решительностью, которая проводит неизгладимую разграничительную черту между государственным человеком, с одной стороны, и чиновником или придворным, с другой стороны» [17, с. 173].

Струве представлялось важным и постановка вопроса Бисмарком об условиях осуществления власти государственным человеком. Король Вильгельм с необычным для него положением, по словам Струве, добродушием и скромностью проявлял замечательно мудрое государственное самоограничение. «И только благодаря этому самоограничению власть оставалась в течение десятилетий в руках такого сильного и гениального человека, как Бисмарк, – писал Струве, – который вообще мог упражнять ее только как ответственное государственное служение, а не как чиновничью-исполнительную службу, осуществляющую чужие задания» [17, с. 174].

Причину условий в деятельности Столыпина Струве видел в комплексе признаков: в сложности международного положения, неясности конституционного устройства, разобщении общественных сил и общественного сознания, отсутствии поддержки монархиста Столыпина со стороны правящего монарха, а также в неумении Столыпина создать себе опору в его лице.

В жизни и смерти Столыпина Струве видел «огромный исторический и политический урок». Он заключается в том, «что государство как идея и соборное

существо не только выше всякого отдельного “эмпирического” человека, хотя бы он был монархом, но и что государственная необходимость должна – в интересах государства и самой монархии – превозмогать и монаршую волю как эмпирическую единоличную волю» [11, с. 189].

Суждения о Гучкове, имя которого обозначено в заглавии рассматриваемой статьи «Что такое государственный человек...», не пространны. Но, разумеется, Струве не случайно обратился к Гучкову, известному лидеру октябристов, которого он так же, как и Столыпина, считал выдающейся личностью. Общим в их судьбе Струве признавал то, что «если смотреть поверх текущего момента» (принцип политического искусства), то они оба являются не виновниками, а жертвами создавшегося положения. Оба они, пишет Струве, дебютировали в большой политике, выступая конституционалистами.

Гучков, по мнению Струве, по своему умственному развитию, органическим и эмоциональным основам был настоящим конституционалистом. И если он свернул свой конституционный флаг, то это объяснялось тем, что тогда в России не могло быть иного конституционализма, кроме как оппозиционного. Но для Гучкова переход в оппозицию грозил разрушением октябризма, чему он посвятил свою политическую карьеру. По типу государственных деятелей Гучков напоминал Струве Тьера. Этому типу присуще «огромное честолюбие и огромная, граничащая с беспринципностью пластичность». Но у Гучкова рядом с этим проявляется органичный и общественный патриотизм, когда речь идет о вопросах государственной обороны, которые его особенно интересовали. В атмосфере «вынужденных компромиссов с абсолютизмом», заключает Струве, политическая энергия подобных людей «разменивается на интриганство» и на «подсигивание политических противников при помощи разных психологических эффектов» [17, с. 169-170].

В завершении этой темы представляется важным привести некоторые мысли, в которых, по словам Струве, «с удивительной красотой и законченностью сочетались свойства и черты драгоценные» для современности. Речь идет о графе П.А. Гейдене, который был членом Первой Государственной думы, президентом Императорского вольного экономического общества, «непреклонным законником и последовательным либералом». Ему были свойственны твердость, деликатность и сдержанность. Струве считал, что он выработал свой стиль свободы и независимости, который делал непереносимым для него всякий рабий образ и всякое хамство, от кого бы оно ни исходило. Он был сторонником правового государства и отвергал то государственное молчалинство, с помощью которого вчерашние самодержавщики примиряют конституцию с абсолютизмом [18, с. 180-181].

Суждения талантливого российского мыслителя П.Б. Струве о личности и ее роли в историко-культурном развитии России и других стран имеют универсальное значение и служат вкладом в научную мысль и практику общественно-политической жизни, в российскую и европейскую цивилизацию.

Выводы

Статья дает комплексное представление о личности как носителе культуры. Содержание статьи составляет тема сознания и самосознания личности (как ее сущностной основы), раскрытие ее отношения к государству, нации, интеллигенции, свидетельства о положении личности в мировой истории, в научных теориях, о трактовке понятия социализм и индивидуализм, а также данные статей личностного характера, в которых проявляется талант и мастерство автора. Важно отметить, что обращение к проблеме сознания и самосознания имеет существенное значение и актуально не только для исторических исследований, но и для понимания общественной идеологии и общественной психологии в современной действительности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гапоненков А.А. Концепция и дело культуры в жизни и творческом наследии П.Б. Струве / Философия России. Петр Бернгардович Струве. – М., 2012. – С. 202–233.
2. Ерусалимский А. Бисмарк как дипломат / О. Бисмарк. Мысли и воспоминания. Т. I. – М., 1910. – С. XV–XVII.
3. Исторический смысл русской революции и национальные задачи / Из глубины. Сборник статей о русской революции. – М., 1991. – С. 280.
4. Кара-Мурза П.Б. Струве и развитие им концепции «личной годности» / Философия России. Петр Бернгардович Струве. – М., 2012. – С. 130–170.
5. На разные темы. Крушение направленства. Религиозный максимализм. От народнического максимализма к хамскому поруганию народа. К характеристике Н.К. Михайловского / П.Б. Струве. *Patriotica*. Политика. Культура. Религия. Социализм. – М., 1997. – С. 218.
6. Струве П.Б. Интеллигенция и революция / Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. – М., 1990. – С. 142, 145.
7. Струве П.Б. Интеллигенция и народное хозяйство / *Patriotica*. Россия. Родина. Чужбина..., – Спб. – 2000. – С. 85–86.
8. Струве П.Б. На разные темы... / *Patriotica*. Политика. Культура. Религия. Социализм. – М. 1997. – С. 217–220;
9. Струве П.Б. Освободительный подвиг и деловой активизм / Дневник политика (1925–1935). – М.; Париж, 2004. – С. 510.
10. Струве П.Б. Отрывки о государстве / Избранные сочинения. - М., – 1999. – С. 206–207.
11. Струве П.Б. П.А. Столыпин / *Patriotica*. Россия. Родина. Чужбина... – Спб. – 2000. – С. 189.
12. Струве П.Б. Познание революции и возрождение духа / Избранные сочинения... – Спб., – 1999. – С. 361.

13. Струве П.Б. Познание революции и возрождение духа / Избранные сочинения... – Спб. – 1999. – С. 360.
14. Струве П.Б., Франк С.Л. Очерки философии культуры. Что такое культура / Избранные сочинения. – М., 1999. – С. 132–139.
15. Струве П.Б. Интеллигенция и национальное лицо / Родина. Чужбина... – Спб. – 2000. – С. 88–90.
16. Струве П.Б. Великая Россия / Избранные сочинения. – М., 1999. – С. 188–189, 198.
17. Струве П.Б. Что такое государственный человек (А.И. Гучков и П.А. Столыпин) / Patriotica. Россия. Родина. Чужбина... – Спб. – 2000. – С. 173.
18. Две потери. Граф П.А. Гейден. / Patriotica. Россия. Родина. Чужбина... – Спб. 2000 – С. 180–181.
19. Струве П.Б. Индивидуализм и социализм / Избранные сочинения... – М., – 1999 – С. 151.
20. Струве П.Б. Интеллигенция и революция / Вехи. – М., – 1990. – С. 146–147.
21. Франк С.Л. Биография П.Б. Струве. – Нью-Йорк, 1956. – С. 45.

REFERENCES

1. Gaponenkov A.A. The concept and work of culture in the life and creative heritage of P.B. Struve Philosophy of Russia. Pyotr Berngardovich Struve. М., 2012. P. 202 – 233.
2. Yerusalimsky A. Bismarck as a diplomat. O. Bismarck. Thoughts and memories. Т. I. М., 1910. P. XV – XVII.
3. The historical meaning of the Russian revolution and national tasks - From the depths. Collection of articles about the Russian revolution. М., 1991. P. 280.
4. Kara-Murza. P.B. Struve and his development of the concept of “personal suitability”. Philosophy of Russia. Pyotr Berngardovich Struve. М., 2012. P. 130 – 170.
5. On different topics. Collapse of direction. Religious taximalism. From populist maximalism to boorish desecration of the people. To the characterization of N.K. Mikhailovsky. P.B. Struve. Patriotica. Policy. Culture. Religion. Socialism. М., 1997. P. 218.
6. Struve P.B. Intelligentsia and revolution. Milestones. Collection of articles about the Russian intelligentsia. М., 1990. P. 142, 145;
7. Struve P.B. The intelligentsia and the national economy – Patriotica. Russia. Homeland. Foreign land... Спб. 2000. pp. 85 – 86.
8. Struve P.B. On various topics... Patriotica. Policy. Culture. Religion. Socialism. М. 1997. –P. 217–220;
9. Struve P.B. Liberation feat and business activism. Diary of a politician (1925 - 1935). М.; Paris, 2004. P. 510.
10. Struve P.B. Passages on the State. Selected Works. М., 1999. pp. 206 – 207;

11. 7. Struve P.B. P.A. Stolypin. Patriotica. Russia. Homeland. Foreign land... Спб. 2000. P. 189.
12. Struve P.B. Knowledge of the revolution and the revival of the spirit. Selected works... Спб., 1999. P. 361.
13. Struve P.B. Knowledge of the revolution and the revival of the spirit - Selected works... Спб., 1999. P. 360.
14. Struve P.B., Frank S.L. Essays on the philosophy of culture. What is culture. Selected works. М., 1999. P. 132 – 139.
15. Struve P.B. The intelligentsia and the national figure. Motherland. Foreign land... Спб. 2000. P. 88 – 90.
16. Struve P.B. Great Russia. Selected works. М., 1999. P. 188, 189, 198.
17. Struve P.B. What is a statesman (A.I. Guchkov and P.A. Stolypin). Patriotica. Russia. Homeland. Foreign land... Спб. 2000. P. 173.
18. Two losses . Count P.A. Hayden. Patriotica. Russia. Homeland. Foreign land... Спб. 2000. P. 180 – 181.
19. Struve P.B. Individualism and socialism. Selected works... М., 1999. P. 151.
20. Struve P.B. Intelligentsia and revolution. Milestones. М., 1990. pp. 146 – 147.
21. Frank S.L. Biography of P.B. Struve. NY. 1956. P. 45.

Информация об авторе: Вандалковская Маргарита Георгиевна. Доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра «Историческая наука России» Института российской истории Российской академии наук г. Москва, Россия
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Vandalkovskaya Margarita Georgievna. Doctor of Historical Sciences, chief researcher at the Center “Historical Science of Russia” of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.
Moscow, Russia
The author read and approved the final version of the manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 02.04.2024

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 21.04.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 27.04.2024

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests

© Вандалковская М.Г. 2024

© «ИСОМ». 2024